

---

**ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ,  
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ**

---

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.20323/1813-145X-2022-4-127-108-116

EDN: KLIENR

**Воспоминания о Е. В. Шороховой: личность ученого  
(к 100-летию со дня рождения)**

**Анатолий Лактионович Журавлев**

Академик РАН, научный руководитель ФГБУН «Институт психологии РАН». 129366, г. Москва,

ул. Ярославская, д. 13, корп. 1

alzhravlev2018@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7483-7530>

**Аннотация.** В статье описываются воспоминания о личности Е. В. Шороховой одного из ее учеников в области социальной психологии А. Л. Журавлева, посвященные 100-летию со дня рождения ученого. Анализируются первые впечатления о ней, возникшие в ситуации знакомства, как о типичной деловой женщине, судя по ее невербальному поведению при встрече и первом разговоре, а также искреннем и доброжелательном человеке. Представлены изменения в восприятии автором Екатерины Васильевны по мере развития сотрудничества с ней и наиболее привлекательные ее качества. Среди них требовательность и даже жесткость в делах, особенно ответственных, принципиальность, стойкость и решительность. Показано, что привлекательным в ней были открытость для других людей, последовательность в действиях и упорство, а также качества бойца, проявлявшиеся и по жизни, и в науке. Выделяются особенности ее личности в оценках сотрудников, с которыми она проработала продолжительное время. Они ценили в ней качества организатора — надежность и предсказуемость, спокойствие и уверенность в ведении общих дел, готовность в экстремальных ситуациях брать ответственность на себя и создавать психологическую защиту своим сотрудникам. Другие люди высоко ценили искреннее и устойчиво положительное отношение к разным формам научной деятельности. Рассматриваются примеры ее влияния на других людей, в том числе на автора данной статьи, сотрудничество с которым имело место в течение 30,5 лет.

Продуктивное влияние Екатерины Васильевны на других объяснялось тем, что она открыто помогала, способствовала, советовала, особенно в работе с учениками. Она талантливо редактировала рукописи, при этом не только сохраняла смысл текста, но и улучшала презентацию авторской позиции. Описываются наиболее запомнившиеся ситуации взаимодействия с Е. В. Шороховой. В заключение характеризуется ее отношение к воспоминаниям об исторических событиях прошлого.

**Ключевые слова:** личность ученого; первые впечатления; привлекательные качества; восприятие личности другими; влияние личности на других; значимые ситуации взаимодействия; саморефлексия личности; отношение к воспоминаниям

Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0138-2022-0001

*Для цитирования:* Журавлев А. Л. Воспоминания о Е. В. Шороховой: личность ученого (к 100-летию со дня рождения) // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 4 (127). С. 108-116. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-4-127-108-116>. <https://elibrary.ru/klienr>

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY,  
PSYCHOLOGY HISTORY

Original article

**Anatoly L. Zhuravlev**

Academician of the Russian academy of sciences, scientific director of FSBIS «Institute of psychology of the Russian academy of sciences». 129366, Moscow, Yaroslavskaaya st., 13, building 1  
alzhravlev2018@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7483-7530>

**Memories on E. V. Shorokhova: the personality of a scientist  
(to the 100th anniversary of the birth)**

**Abstract.** The article describes the memories of the personality of E. V. Shorokhova by one of her students in the field of social psychology, A. L. Zhuravlev, dedicated to the 100th anniversary of her birth. The first impressions about her that arose in the situation of acquaintance are analyzed: as a typical businesswoman, judging by her non-verbal behavior during our meeting and the first conversation, as well as a sincere and friendly person. The changes in the perception of Ekaterina Vasilievna by the author as the development of cooperation with her and her most attractive qualities are presented. Among them there is exactingness, and even «severeness» in tasks, especially responsible ones, adherence to principles, steadfastness and determination. It is shown that openness to other people, consistency in actions and perseverance, as well as the qualities of a fighter, manifested both in life and in science, were attractive in her. The features of her personality are highlighted in the assessments of employees with whom she worked for a long period. They appreciated her qualities as an organizer of joint activities — these are the reliability and predictability of her behavior, calmness and confidence in the conduct of common affairs, readiness to take responsibility in extreme situations and create psychological protection for her employees. Other people highly appreciated in her a sincere and consistently positive attitude towards various forms of scientific activity. Examples of its influence on other people are considered, including the author of this article, cooperation with whom took place over 30,5 years. Her productive influence on others was due to the fact that Ekaterina Vasilievna openly helped, promoted, advised, especially in work with students. She edited manuscripts with talent, while not only preserving the meanings in the texts, but also improving the presentation of the author's position. The most memorable situations of interaction with Shorokhova are described. In conclusion, her attitude to memories of historical events of the past is characterized.

**Keywords:** personality of a scientist; first impressions; attractive qualities; perception of personality by others; influence of personality on others; significant interaction situations; self-reflection of personality; attitude to memories

The research was carried out according to the state assignments № 0138-2022-0001

*For citation:* Zhuravlev A. L. Memories on E. V. Shorokhova: the personality of a scientist (to the 100th anniversary of the birth). *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2022;(4): 108-116. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-4-127-108-116>. <https://elibrary.ru/klienr>

**Первая встреча и первые впечатления  
о Е. В. Шороховой**

Наша самая первая встреча — непосредственное знакомство с Екатериной Васильевной Шороховой — состоялась во второй половине июня 1973 г. Это был период экзаменационной сессии, завершался первый учебный год (1972/73) моей работы ассистентом кафедры общей психологии факультета психологии Ярославского государственного университета, в котором я работал по распределению после окончания в 1972 г. факультета психологии Ленинградского государственного университета. Совместно с кандидатом философских наук Г. И. Тереховой, старшим преподавателем той же кафедры, причем именно по ее настоятельному требованию, завершив прием экзаменов, мы приехали в Институт психологии АН

СССР, чтобы познакомиться с кем-то из его сотрудников, а если повезет, то и с Е. В. Шороховой, выпускницей ЛГУ. Нам было известно, что не только директор Института Б. Ф. Ломов, но и Екатерина Васильевна закончила Отделение психологии философского факультета ЛГУ. В этот период она работала в ИП АН СССР заместителем директора по научной работе, а Институт располагался в самом первом его помещении на улице Вавилова.

Шорохова находилась на своем рабочем месте в кабинете, в который, с ее разрешения, вошла Галина Ивановна и кратко рассказала, с кем она приехала из Ярославля. Согласно нашему с Тереховой сценарию я вошел в кабинет уже по приглашению Екатерины Васильевны, а Галина Ивановна, наоборот, вышла в коридор. Шорохова

встретила меня очень приветливо, более чем доброжелательно. После короткого общения у меня создалось впечатление разговора давно знакомых людей. Я рассказал ей о своих планах поступления в аспирантуру ИПАНа, на заочное отделение, так как меня не отпускали из ЯрГУ, ожидая, что я отработаю и второй год, как это было положено, хотя руководство университета, конечно, могло отпустить меня, но увы... Поскольку я планировал поступать в лабораторию дифференциальной психофизиологии, Екатерина Васильевна порекомендовала мне встретиться с заведующим — Владимиром Михайловичем Русаловым, что и произошло в тот же предотпускной период 1973 г., но в другой приезд в Институт.

До этой встречи я был знаком с Е. В. Шороховой заочно, причем даже в двух формах. Во-первых, в период профессиональной подготовки на факультете психологии ЛГУ студенты знакомились с фундаментальными трудами по психологической проблематике, издававшимися в 1960-е гг. Институтом философии АН СССР и подготовленными коллективом Сектора философских проблем психологии. Е. В. Шорохова была его руководителем и ответственным редактором этих научных трудов. Например, в период моего обучения (1967-1972 гг.) стали уже классическими работы Сектора, анализировавшие и обобщавшие как общее состояние психологической науки за рубежом, так и исследования мышления в зарубежной и советской психологии [Исследования мышления ... , 1966; Методологические и теоретические ... , 1969, Основные направления ... , 1966; Современная психология ... , 1963; Шорохова, 1955; Шорохова, 1961]. Мы гордились теми удачами, когда могли приобрести такие книги в личное пользование, а тиражи издававшейся Академией наук СССР научной литературы по психологии в то время позволяли это делать.

Во-вторых, студенты факультета психологии ЛГУ, особенно старших курсов, неоднократно слышали о наших выпускниках, преподавателях и даже шире — о психологах-ленинградцах, которые переезжали в Москву и успешно там работали. В связи с этим более всего говорилось о С. Л. Рубинштейне, Б. Ф. Ломове, начиная с 1967 г., а также о Шороховой как представительнице самого первого (1948 г.) выпуска Отделения психологии (основано в 1944 г.) философского факультета ЛГУ. Конечно, эти персоналии вызывали у нас чувство гордости. Далее этот ряд был

пополнен преподавателями факультета психологии А. А. Бодалевым, Ю. М. Забродиним, Е. А. Климовым, В. Ф. Рубахиным и др.

Самое первое впечатление, которое произвела на меня Шорохова — это образ деловой женщины. Об этом мне можно было судить по тому, как она выходила из кабинета, чтобы пригласить меня на разговор, как она сидела, слушала, задавала уточняющие вопросы, отвечала на телефонный звонок во время нашей беседы. Конечно, были и другие детали, прежде всего ее невербального поведения. Нельзя при этом отрицать и роли той социальной установки и тех социальных ожиданий, которые были у меня сформированы заранее.

Второе — это впечатление искреннего, доброжелательного человека, готового отложить текущие дела, чтобы выслушать совсем незнакомого человека. Она делала это не дежурно, не формально, а вникая в содержание того вопроса, с которым к ней на прием пришел посетитель со стороны. Екатерина Васильевна не просто слушала — она активно участвовала в том первом разговоре со мной.

Значительно позднее, по моей инициативе, я вернулся к ситуации нашего первого знакомства. Она вспоминала об этом с большим трудом и во многом благодаря тому, что я напомнил ей о «первом заходе» Г. И. Тереховой в кабинет Екатерины Васильевны и кратком рассказе обо мне. Галину Ивановну она запомнила лучше, что неудивительно: по своей природе Терехова была практически психологом, обладала навыками общения и просто была очень яркой женщиной... Они сразу понравились друг другу, в чем я убеждался позже неоднократно, хотя большинство взаимодействовавших с Тереховой женщин негативно воспринимали ее.

На мой вопрос о том, какие текущие дела у нее «лежали на столе», она отложила их на время встречи и разговоров с Галиной Ивановной и мною, она ответила, что, учитывая вторую половину июня, скорее всего, занималась отчетом Института о НИР за первое полугодие 1973 г. В тот и в более поздние периоды такие научные отчеты делались в обязательном порядке, а их подготовка в Институте курировалась именно Шороховой.

### **Привлекательные качества личности Е. В. Шороховой**

В последующие годы в процессе сотрудничества мое мнение о Екатерине Васильевне обога-

щалось: ее образ как деловой женщины, скорее, закреплялся, но я, естественно, узнавал и много нового. Были среди этого и изменения. Позднее я понял, что такого уровня доброжелательность, мягкость и сердечность в отношениях с людьми проявлялись ею далеко не во всех социальных ситуациях, далеко не со всеми людьми и не по любым поводам. Я видел Екатерину Васильевну требовательной и даже «жесткой» в делах, особенно ответственных, а также принципиальной, стойкой и решительной. Но об этом я никоим образом не думал в период нашего продолжительного взаимодействия. Заведующий отделом специальных прикладных проблем ИП АН СССР Владимир Алексеевич Попов первым назвал ее «железной Катериной», «железной женщиной», учитывая именно перечисленные и другие качества, которые Екатерина Васильевна проявляла в делах. Замечу, что феномена «железной леди» (так называли Маргарет Тэтчер) тогда еще не существовало, а образ «железной Катерины» в Институте уже был.

Владимир Алексеевич подчеркивал тем самым глубокое уважение к Екатерине Васильевне и говорил о том, что она его заслуживает, хотя реально у них складывались очень непростые отношения. Шорохова часто не соглашалась с В. А. Поповым, а он продолжительный период был секретарем партийной организации Института. Тем не менее, критикуя некоторые поступки Владимира Алексеевича, она всегда помнила о его большом вкладе в создание самого Института психологии АН СССР. Кстати многие называли ее «Катериной», причем как без отчества, так и с отчеством — «Катерина Васильевна», но такое было между собой, в ближайшем окружении, неофициальных ситуациях и т. п. Сама же Шорохова относилась к этому спокойно. Мне неизвестны какие-то ее реакции по этому поводу, кроме одного случая, свидетелем которого мне пришлось стать. Услышав однажды чье-то мнение о ней как о «железной Катерине», переданное другим человеком, Шорохова эмоционально высказала: «Они еще не видели по-настоящему “железных” людей, в том числе и женщин!». Мне показалось тогда, что в ней «заговорил» опыт ее жизни на малой родине (Волгоградской области) в период Великой Отечественной войны, до переезда в Ленинград на учебу.

В другом человеке нередко выделяют отдельные свойства личности, которые являются наиболее привлекательными для другого человека, других людей. Такую оценку мне сделать

очень сложно по разным причинам. Во-первых, у Е. В. Шороховой было очень много таких свойств, которые трудно разграничить — характеризуют они ее как личность или как ученого. Свойства личности как раз и проявляются в самых разных ситуациях и делового, и личного взаимодействия, совместной жизнедеятельности, в том числе научной. В то же время в ней одновременно было очень много привлекательного, что всегда затрудняло выделение, предпочтение и т. п.

Однако размышляя над этим вопросом, хочется отметить такие привлекательные ее качества, как открытость, глубокая принципиальность и последовательность, упорство и настойчивость и, что очень важно, качества бойца, коорые она проявляла и по жизни, и в науке (социальная смелость, моральная сила и решительность, волевые качества и т. п.). Говоря об этом, «ловишь» себя на мысли, что в Екатерине Васильевне меня привлекало многое из того, чего мне самому явно не хватало, учитывая самооценку.

Не могу также не отметить глубинное женское начало в самой природе Шороховой, а проявлялось оно по отношению к другим людям через выражение сопереживания, сочувствия, готовности помочь в сложных ситуациях. И такое личностное начало проявлялось даже в ее научных интересах, например, в том, чтобы разобраться в феномене сопричастности как свойстве прежде всего личности, но не только, так как сопричастность может характеризовать и группу, прежде всего, небольшую по своим размерам. Сожалею о том, что начатая работа по такой уникальной и сложнейшей теме не была ею завершена.

Если же иметь в виду проявлявшиеся у Шороховой качества ученого, то меня привлекали в ней высокая работоспособность, организованность, планомерность, последовательность в достижении научных целей, тщательность, связанная с глубиной анализа темы, проблемы и многое другое.

### **Е. В. Шорохова в глазах сотрудников**

Для более полной характеристики личности Екатерины Васильевны интересен и важен вопрос о том, что высоко оценивали в ней сотрудники, непосредственно работавшие с ней, причем некоторые из них сотрудничали с ней многие десятилетия. Мне регулярно приходилось замечать, что сотрудники, как и я, высоко ценили в ней многое, иногда мы обменивались оценками, что позволяло их уточнять, конкретизировать и

т. п. Таким образом, мне представляется, что работавшие с Шороховой сотрудницы наиболее ценили ее качества как руководителя, организатора общего дела: это надежность и предсказуемость поведения, спокойствие и уверенность в ведении дел, передававшиеся другим людям, готовность в сложных ситуациях публично брать ответственность на себя и создавать психологическую защиту участникам выполнения совместного дела. Многие, в том числе и я, ценили в ней отношение к науке, искреннее и устойчивое, организаторские способности, а точнее — одаренность, и др.

В ИПАНе функционировал один из многих социально-психологических феноменов, о котором уместно сказать именно в рассматриваемом контексте: о сотрудниках, которые работали совместно с Екатериной Васильевной продолжительный период, могли сказать: «это люди Шороховой» или «это человек Шороховой». Не «сотрудники» или «сотрудник», которых было значительно больше, чем близких по работе к ней людей. И вот их характеризовали некоторые общие качества, такие как готовность участвовать в совместном деле, дисциплинированность, психологическая преданность руководителю, им невозможно было допустить какой-то срыв в работе, тем более не выполнить ее или сделать плохо. Она требовала от каждого отвечать за дело, добивалась его выполнения, иногда поступая жестко. Однажды я был призван ею как свидетель такого взаимодействия, поскольку речь шла о нашем совместном деле, выполнявшемся втроем. В разговоре с ней до этого я предлагал выполнить работу, которая была запланирована для выполнения другим, чтобы, в конечном счете, потратить меньше времени в достижении общего результата. Но Екатерина Васильевна категорически отвергла мое предложение и все-таки добилась выполнения работы от сотрудника, хотя времени было потеряно при этом заметно больше.

### **Влияние Е. В. Шороховой на других**

В подавляющем большинстве случаев и социальных ситуаций она влияла положительно, особенно на учеников или на сотрудников, тесно с ней взаимодействовавших. И главное объяснение состояло в том, что она открыто помогала, способствовала, советовала и т. п. Ее подлинники ученики, а здесь уместно напомнить, что учителей выбирают, всегда были ей безмерно благодарны. Она умела влиять, так как вела себя во взаимодействии с людьми открыто и искренне:

она прочитывала тексты и высказывала пожелания по их доработке, выслушивала собеседника очень внимательно, молча и ничего не записывая, а после этого давала чрезвычайно полезные советы. Она умела талантливо редактировать рукописи, сохраняя смысл и более выпукло представляя авторскую позицию. Во всем этом одновременно выражалось ее отношение к науке и людям, занимавшимся разного рода исследованиями, подготовкой авторских текстов по их результатам и т. д.

Относительно ее влияния на коллег по Институту приводим мнение профессора В. Ф. Рубахина, тоже исполнявшего функции заместителя директора ИП АН СССР по научной работе, с которым мне приходилось очень много и тесно взаимодействовать в 1973-1984 гг. Владимир Федорович, хотя был чуть старше (на 1-2 года), считал Шорохову более опытным коллегой, глубоким ученым и талантливым организатором, с которого ему хотелось брать пример. Он говорил об этом неоднократно, искренне, причем в самых разных контекстах.

Естественно, Шорохова оказывала влияние и на меня. Мне очень трудно это оценивать, поскольку я осознаю и переживаю не какие-то частные проявления такого влияния, а рассматриваю его как многостороннее воздействие, которое я испытывал за 30,5 лет не просто нашего знакомства, а регулярного сотрудничества. Были периоды особенно ответственные, когда мы испытывали потребность согласовывать свои действия в ежедневном режиме, причем посредством встреч, разговоров по телефону, абсолютно не считаясь с выходными или праздничными днями. И это со временем вспоминается как самое важное.

Говоря же о ее влиянии на меня более конкретно, через описание примеров и социальных ситуаций, хочется, прежде всего, отметить ее отношение к научным изданиям, книгам (монографиям, сборникам научных трудов и т. п.), подготовку и издание которых она курировала как заместитель директора ИП АН СССР в течение 16 лет (1972-1988 гг.). Она целенаправленно учила и, считаю, научила ценить научные издания, тщательно их готовить, причем на самых разных этапах такой подготовки, радоваться их выходу и огорчаться, когда что-то не получалось, но при этом уметь терпеть и преодолевать трудности в редакционно-издательской деятельности и т. д. Я хорошо запомнил ее выражение: «Все в жизни уходит, а книги остаются!». Она это говорила,

обращаясь к каждому новому поколению аспирантов Института, которые участвовали в технической подготовке рукописей к публикации в издательстве «Наука», что было сложной и ответственной для Института процедурой. С ее стороны это были настоящие уроки отношения к книге научного содержания.

Второй пример, достойный упоминания, состоит в естественном процессе передачи опыта ведения ею научных собраний (заседаний лаборатории, семинаров и т. п.). Особый ее стиль заключался в очень внимательном отношении ко всем категориям участников научных мероприятий: не только к докладчику, что вполне естественно, но и к каждому задававшему вопрос и выступавшему в дискуссии. Шорохова предоставляла возможность каждому спросить и выступить, и она не останавливала, не ограничивала число вопросов и выступавших, за исключением каких-то крайних обстоятельств. Все это затягивало работу по времени, но многообразие активно действовавших участников делало эти мероприятия очень содержательными и полезными, они были важными элементами становления и реализации научной школы Сектора социальной психологии ИПАНа.

И третье. Я старался научиться не только у Е. В. Шороховой, но и у Б. Ф. Ломова, К. К. Платонова, В. Ф. Рубахина и других выдающихся ученых ИПАНа, при планировании научно-исследовательских тем учитывать их социальную значимость, возможные приложения в будущем, прогнозируемые практические значения. Хорошо помню, как сложно было это реализовать в конкретных формулировках на стадии планирования НИР. Конечно, ориентация на общественную практику у Шороховой, по-моему, была выражена несколько меньше, чем, например, у Платонова, но тоже оказывала влияние на сотрудников и аспирантов. Характеризовавшее ее качество состояло в том, что она умела делать это академично, тесно увязывая практическое значение с теоретическими положениями. Это воспринималось и оценивалось как ее явное достоинство, поэтому хотелось самому так же рассуждать и формулировать практические смыслы исследований.

#### **Наиболее запомнившиеся ситуации взаимодействия с Е. В. Шороховой**

Нередко думаю о том, что в сотрудничестве с конкретными людьми возникают ситуации, которые потом больше всего помнятся, хотя и не яс-

но, почему. Таких ситуаций во взаимодействии с Екатериной Васильевной было достаточно, запомнилось тоже очень многое. Описывать все это нецелесообразно — приведу лишь отдельные примеры.

Первая ситуация, которая заслуживает упоминания и которая меня удивила в свое время (1974-1976 гг.), состояла в ее поручении нам, аспирантам и совсем молодым сотрудникам секторов социальной психологии и философских проблем психологии нашего Института, вычитывать и, при необходимости, править рукописи статей из сборников научных трудов с целью их подготовки к публикации в издательстве «Наука». Примечательным было то, что авторами готовящихся статей были многие, а для нас практически все, известные психологи, например, сама же Шорохова, Анцыферова, Платонов, Бобнева, Асеев, Джидарьян, Зотова, Артемьева и др. Необходимо было выявлять опечатки, нестыковки текста, несогласованности предложений и даже заключенных в них смыслов и т. п. Сначала я не понимал допустимости такого поручения и возмущался (внутренне!) тем, как можно было нам доверить вычитку и правку таких текстов. Постепенно мы смогли разобраться в том, что машинописные рукописи сначала вычитывались самими авторами, но при этом после них могли оставаться «огрехи», которые ими пропускались, и вот здесь приводился в действие широко известный в нашем Институте «принцип дополнительных глаз» — именно так его называла Шорохова.

Как и другие, я долго удивлялся тому, что конкретно удавалось находить, в целом же наша работа приносила явную пользу общему делу. После нас рукописи смотрели ответственные редакторы и лишь после этого они передавались на правку машинисткам. Екатерина Васильевна всегда благодарила нас за работу, иногда говоря: «А это уже не блошки!», и такая оценка нам нравилась. Выполнение подобной функции в совместной научно-издательской деятельности, безусловно, было полезно нам, начинавшим исследователям и будущим авторам научных текстов.

Вторая ситуация: когда Б. Ф. Ломов поручил Е. В. Шороховой сформировать специализированный совет ИПАНа по защите кандидатских диссертаций по двум специальностям (общей психологии и социальной психологии), мне было предложено войти в его состав в качестве ученого секретаря, а Екатерина Васильевна должна была стать председателем совета. На это предло-

жение, не раздумывая ни минуты, я ответил категорическим отказом. Она так же быстро приняла мой отказ, нисколько не обидевшись на это, судя по внешним признакам. И потом Шорохова никогда не вспоминала об этом случае как-то недоброжелательно. Более того, после смерти К. К. Платонова, осенью 1984 г. она снова предложила мне войти в состав диссертационного совета по специальности 19.00.05 — социальная психология, по которой работал в совете Константин Константинович. И вот в этой ситуации Шорохова первый раз напомнила мне о моем прошлом отказе своим вопросом: «На этот раз, я надеюсь, Вы не откажетесь поработать в совете?» Внутренне, конечно, я был не просто согласен, а даже горд, так как в тот период был кандидатом наук. Прежде чем положительно ответить на ее предложение, я все-таки спросил: «Не потеряет ли что-то в своем научном статусе совет, если на место ушедшего дважды доктора наук войдет в состав кандидат наук?». Екатерина Васильевна ответила очень кратко, как часто она это делала: «Не потеряет!». Более мы никогда к этому вопросу не возвращались.

Третья ситуация, которая мне очень запомнилась, была связана с поручением Б. Ф. Ломова, директора ИП АН СССР, Екатерине Васильевне подготовить предложения по организации в структуре АН СССР второго института под названием «Институт социальной психологии». Это было весной 1987 г., а инициатива создания такого Института исходила из отдела науки ЦК КПСС. Ломов относился к этому, мягко говоря прохладно, а вообще — крайне негативно, но он не мог не выполнять поручение властных структур. Он хорошо понимал, что Институт психологии АН СССР могли разделить для реализации этой идеи на две части, чего нельзя было допустить, так как это обе части ослабляло. Выполняя поручение Ломова, Шорохова обратилась ко мне, ведущему научному сотруднику Лаборатории социальной психологии, и попросила, именно в такой форме было ее обращение, подготовить программу научно-исследовательской работы предлагавшегося института. Практически нужно было по форме сделать примерно то же, что делалось Ломовым в 1970 г. при обосновании организации Института психологии АН СССР и той же поддержке со стороны отдела науки ЦК КПСС. Таким ее поручением я был, в полном смысле, «ошарашен», поэтому стал сопротивляться... В таких ситуациях Шорохова бывала неоднократно, имела большой опыт «протестно-

го» взаимодействия, поэтому могла привести практически любого сотрудника в «рабочее состояние», что она в данном случае и сделала со мной. У нас состоялся короткий, но запомнившийся мне диалог, который я передаю очень близко к содержанию. Я, естественно, ее спросил: «Почему **Я** должен выполнять столь ответственное поручение!?!». Она ответила резковато: «А кому же как не Вам!?! Не мне же в будущем руководить таким институтом, если он, конечно, будет создан!?!». Воспользовавшись таким ответом, я снова позволил себе спросить: «А Вы лично верите в то, что он будет, в конечном счете, создан?». Екатерина Васильевна быстро ответила: «Не буду лукавить перед Вами: вряд ли такой Институт будет создан..., но я по-прежнему прошу Вас подготовить такую программу. И еще одно: очень Вас прошу пока не обсуждать это поручение с другими сотрудниками лаборатории». Во-первых, я отметил ее честную позицию; во-вторых, мне показалось при этом, что она не может меня проинформировать о деталях этого поручения, особенно о состоявшихся у нее разговорах с Ломовым, о которых я узнал несколько позднее в 1990-е гг. Они оба были против создания такого института, но это уже совсем другая тема.

### Саморефлексия Е. В. Шороховой

Для характеристики личности того или иного человека важно понимать его саморефлексию, самопредставление и т. п. С феноменом самости связаны также самооценка, самоотношение и т. д., поэтому необходимо как-то ответить на вопрос о том, что Екатерина Васильевна ценила в себе более всего. Это вопрос чрезвычайно высокой сложности, так как ответ предлагает отрефлексировать ее саморефлексию. Ниже постараюсь осветить только те позиции, о которых в той или иной степени мне приходилось слышать в наших разговорах с Шороховой.

Во-первых, она неоднократно говорила о своем «сильном природном стержне» (это ее выражение), а также о том, что она «человек от земли», «выросшая в селе» и т. п. Было заметно, что Екатерина Васильевна этим гордилась. Этот «стержень» обеспечивал ее энергетикой, поддерживал высокую работоспособность, давал силы преодолевать жизненные трудности и т. д. В разговорах Екатерина Васильевна иногда вслух благодарила Природу за то, что она наделила ее качествами жизнеспособности, жизнестойкости. Во-вторых, она осознавала, что обладает органи-

заторскими качествами, что организация общих дел у нее получается на высоком уровне. Она хорошо понимала (и отмечала это), что сама социальная среда, социальное окружение, конкретные группы выдвигали ее на выполнение организационных функций. Для этого было много разных оснований, но ведущим из них всегда были ее качества, способности, а позднее — накопленный опыт, ставшее известным для многих мастеров. В-третьих, она осознавала себя специалистом, открытым и ориентированным на решение актуальных социальных проблем. Она считала, что у нее есть предрасположение к выполнению дел такого содержания. И в-четвертых, она очень непросто относилась к своему широко известному сотрудникам качеству — принципиальности, хорошо понимала, что «избавиться» от него она не может и не хочет. Но проявления принципиальности вызывали у нее психологическое напряжение в отношениях с другими людьми, что на самом деле было нередким явлением. Это, пожалуй, единственное из того, что мне хорошо известно и что как-то ей «мешало» в профессиональных отношениях, переживалось ею. Но она никогда не собиралась в этом смысле меняться. Безусловно, она была цельной личностью!

#### **Заключение: отношение Е. В. Шороховой к своим воспоминаниям**

В заключение хотелось бы сформулировать вопрос, к которому я неоднократно обращался после ее ухода из жизни в феврале 2004 г. (прошло уже полных 18 лет). Какие темы, ситуации, события во взаимодействии с Екатериной Васильевной так и остались мною непонятыми, не объясненными, возможно, даже «загадочными»? Но при этом мне хотелось бы их прояснить... Самое важное для меня из неясного — отношение Шороховой к ее воспоминаниям о прошлом. Принципиальная позиция состояла в том, что она многократно отказывалась от того, чтобы заниматься воспоминаниями, причем в категорической форме, что не было типичным для нее. С просьбами приступить к воспоминаниям, причем не общим, а по конкретным вопросам, обращался далеко не только я, но и другие наши бывшие сотрудники, о чем я тоже знал. Обычно это происходило в канун юбилеев Екатерины Васильевны, а также при обращении к ней как участнице событий по отдельным важным вопросам. Единственное исключение она сделала, ответив на вопросы В. И. Артамонова, редактора «Психоло-

гического журнала», который смог провести серию из 14-ти интервью с ведущими отечественными психологами и опубликовать их содержание. После очередного отказа Екатерины Васильевны я спросил у нее о причине согласия дать интервью Владимиру Ивановичу, и она ответила с легкостью: «Меня уговорила Людмила Иванова!». Речь шла об Л. И. Анцыферовой, которая тоже отвечала на вопросы Артамонова. Другие исключения мне не были известны.

На мои просьбы объяснить причину отказов, с которыми я обращался примерно в течение 20-ти лет (1983-2003 гг.), она всегда мне отвечала: «Я не хочу!». При этом она не относилась отрицательно, хотя и сдержанно, к занятиям историей психологической науки. Но в отношении к воспоминаниям у нее проявлялась какая-то исключительность. Вначале мои просьбы были связаны с юбилеями образования Сектора социальной психологии ИП АН СССР (декабрь 1973 г.), от юбилея этого события отсчитывается мною указанное выше 20-летие. Затем, когда сотрудники нашей лаборатории стали читать лекции по социальной психологии студентам вузов (с 1993 г.), у меня возникла потребность прояснить в деталях некоторые исторические этапы, в частности, рассмотреть период так называемого возрождения отечественной социальной психологии начиная с конца 1950-х — начала 1960-х гг. В указанный период Шорохова стала непосредственно интересоваться проблемами этой отрасли психологии, выступать с научными докладами и публиковаться. Для меня было естественным обратиться именно к ней за воспоминаниями об этом периоде истории социальной психологии, но Екатерина Васильевна не соглашалась даже поговорить об этом. Повторно обращаясь к ней по тому же вопросу, я подготовил письменную совокупность тем, то есть некую анкету из открытых вопросов, а Шорохова ее даже не взяла, выразив категорическое нежелание не только ответить на них, но и познакомиться с ними. И так происходило до самой ее кончины...

Я всегда был уверен в том, что в основании такой позиции лежали какие-то серьезные причины, а ее «Я не хочу!» — лишь отговорка. В последующих моих беседах со специалистами — историками психологии я даже пытался прояснить для себя возможные причины обезличенного отказа известных ученых заниматься фиксацией своих воспоминаний. В результате у меня накопилось кое-что интересное, даже неожиданное, но все это не приблизило меня к ответу на

конкретный вопрос о причинах особого отношения Шороховой к воспоминаниям, которые, в отличие от нее, я готов продолжать и тем самым, хотя бы частично, компенсировать то, что сама Екатерина Васильевна недосказала...

#### Библиографический список

1. Исследования мышления в советской психологии / отв. ред. Е. В. Шорохова. Москва : Наука, 1966. 476 с.
2. Методологические и теоретические проблемы психологии / отв. ред. Е. В. Шорохова. Москва : Наука, 1969. 376 с.
3. Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах / отв. ред. Е. В. Шорохова. Москва : Наука, 1966. 299 с.
4. Современная психология в капиталистических странах / отв. ред. Е. В. Шорохова. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 406 с.
5. Шорохова Е. В. Материалистическое учение И. П. Павлова о сигнальных системах. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 232 с.
6. Шорохова Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании. Москва : Соцэкгиз, 1961. 363 с.

#### Reference list

1. Issledovanija myshlenija v sovetskoj psihologii = Thinking research in soviet psychology / отв. red. E. V. Shorohova. Moskva : Nauka, 1966. 476 s.
2. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii = Methodological and theoretical problems of psychology / отв. red. E. V. Shorohova. Moskva : Nauka, 1969. 376 s.
3. Osnovnye napravlenija issledovanij psihologii myshlenija v kapitalisticheskix stranah = The main areas of research on the psychology of thinking in capitalist countries / отв. red. E. V. Shorohova. Moskva : Nauka, 1966. 299 s.
4. Sovremennaja psihologija v kapitalisticheskix stranah = Modern psychology in capitalist countries / отв. red. E. V. Shorohova. Moskva : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. 406 s.
5. Shorohova E. V. Materialisticheskoe uchenie I. P. Pavlova o signal'nyh sistemah = Materialistic teaching of I. P. Pavlov on signal systems. Moskva : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955. 232 s.
6. Shorohova E. V. Problema soznaniya v filosofii i estestvoznanii = The problem of consciousness in philosophy and natural history. Moskva : Socjkgiz, 1961. 363 s.

Статья поступила в редакцию 03.05.2022; одобрена после рецензирования 01.06.2022; принята к публикации 23.06.2022.

The article was submitted on 03.05.2022; approved after reviewing 01.06.2022; accepted for publication on 23.06.2022.